

В тот день Джону приснился сон.

Во сне он превратился в шестилетнего ребёнка и стройный юноша, держа его за руку, вёл его за собой вместе со взрослыми в длинных одеяниях по бесконечному коридору Храма.

В конце коридора на подоконник опустилась птичка, наклонив голову, она с любопытством смотрела на него и Джон невольно остановился.

Юноша, державший его за руку, тоже заботливо остановился, опустился на одно колено и положил тёплую ладонь ему на голову.

— Не бойся, — сказал юноша. — Карлос, я рядом. Не бойся.

— Куда мы идём? — тихо спросил мальчик во сне.

— В храм. С этого дня ты будешь жить в храме, хорошо?

— Но я не хочу... Я не хочу уходить от вас.

Юноша нежно поцеловал его в лоб:

— Храм — это то место, где ты должен быть. Малыш, ты рождён с даром света. Знаешь, что это?

Маленький Карлос покачал головой:

— Нет... но мама говорила, что это что-то хорошее.

Юноша мягко улыбнулся, его глаза, такие же глубокие, тёмно-зелёные, как у маленького Карлоса, изогнулись дугой.

Братья из дома Фларете были рождены с разницей в десять лет, но выглядели словно близнецы. Крайне редкое сходство для братьев с такой разницей в возрасте.

Когда Карлосу было пять лет, их отец скончался. Его пятнадцатилетний брат унаследовал титул и своими ещё юными, хрупкими плечами в одиночку взял на себя управление всем обширным родом Фларете. А когда Карлосу исполнилось шесть, он, уже как глава семьи, лично отвёл его в Храм.

— Ты - наша гордость. Ты обязательно станешь великим человеком. Я и мама всегда будем гордиться тобой.

Ребёнок поднял голову, в глазах отразились замешательство и растерянность:

— А если я... не стану великим человеком?

Юный глава семьи рассмеялся и потрепал мягкие волосы малыша, в которых ещё хранился запах молока:

— Тогда нам просто придётся любить тебя вечно.

Эти слова, словно заклинание, в одно мгновение пронзили его сон, разрушив всё.

Он резко открыл глаза. Лампа на прикроватной тумбочке отбрасывала мягкий свет, рисуя на его лице длинные тени от ресниц и носа.

Губы Джона внезапно дрогнули, беззвучно назвав чьё-то имя:

— Чак...

Когда он покинул Храм, то однажды всё же вернулся домой... но лишь издали взглянул на родовое поместье Фларете. Он даже не подошёл к воротам, а сразу пустился в одинокое скитания. Прошли годы, он блуждал без конца и края, и каждый раз, когда он просыпался среди ночи, кроме Храма, единственное, что ему вспоминалось было родовое поместье Фларете.

Но он и подумать не мог, что это окажется прощанием навсегда.

Он так и не успел вернуться, чтобы хоть раз увидеть мать и брата... не успел рассказать им, что война уже закончилась... не успел самому, вслух спросить у Чака:

«Я ведь так и не стал великим человеком. Я даже опозорил нашу фамилию. Ты... всё ещё будешь любить меня, как обещал?»

Однако прошло уже более тысячи лет.

Джон закрыл глаза рукой, его локоть задел раскрытую книгу на прикроватной тумбочке «Краткая история до Барьера», как раз на странице «Карлос Фларете». На ней был изображён полуобнажённый «чемпион по бодибилдингу» с широкими плечами и четко прорисованными мышцами, на нём был странный доспех, а в руке щит, похожий на сковородку. Будто готов в любой момент броситься в бой.

Джон скосил глаза на этот «портрет Карлоса» и даже не знал, как реагировать. В конце концов

он только горько усмехнулся.

Это не я... — подумал он. Ни то, что написано, ни то, что нарисовано — всё это не обо мне.

Это просто сказочный персонаж в истории, придуманной более поздними поколениями с именем «Карлос Фларете», именем, которое давно следовало бы отбросить. Оно плоское, фальшивое... смешное.

Поместье Фларете давно исчезло, а Храм превратился в туристическую достопримечательность. Всё, что он помнил, тех, кого любил, и тех, кого ненавидел — исчезло в пыли истории.

В этом мире... даже никто не знает его настоящего имени.

Возможно, это была поздняя ночь, а может, сказывалась изматывающая слабость тела, но именно в этот миг он ощутил одиночество так ясно и остро, как никогда прежде. Абсолютно отчётливо он понял: здесь больше нет никого. Он один. Совсем.

Это чувство походило на то, как будто кто-то тупым ножом медленно перемалывает его кости и этой боли было вполне достаточно, чтобы лишиться сна.

Джон... Карлос медленно свернулся калачиком, лёжа на боку. Безмолвно, с каменным лицом он смотрел в несуществующую точку в темной пустоте.

То лицо, что днём так живо сияло, способное смеяться, болтать часами, находя радость в каждой мелочи, теперь стало пустым и бледным, как в те минуты, когда он терял сознание. Лишь глаза, глубокие, как омут, оставались прежними.

Он прожил не такую уж долгую жизнь, особенно по меркам этого мира, но в ней было достаточно боли. И всё же Карлос всегда верил в то, что всё проходит. Стоит потерпеть, открыть глаза, продержаться хоть немного и обязательно произойдёт что-то хорошее, всё наладится.

Так говорил Чак, его брат, когда укладывал его спать в те дни, после смерти отца. Прошло больше двадцати лет, а Карлос всё ещё цеплялся за эту веру.

Но сейчас она дала трещину.

Он вспомнил шумные улицы, весёлую толпу, праздничную суету, все те удивительные, манящие вещи, которые Чак называл «хорошим» и, кажется, понимал, о чём шла речь.

Но когда всё это смолкает, когда краски исчезают, поглощённые ночной тьмой, ему всё равно

приходится оставаться с открытыми глазами, запертым в воспоминаниях, к которым он никогда не сможет вернуться.

Когда он был на войне, он думал, что если выживет, то обязательно увидит брата и мать. А если умрёт - то хотя бы встретит отца, того, кто в детстве так любил сажать его к себе на плечи. И в этом не было ничего страшного.

Неожиданно всё оборвалось, и он понял: он больше никого не увидит.

Даже самое крепкое сердце мужчины, если день за днём в нём копится одиночество и тоска по близким, рано или поздно даст трещину, тонкую, но глубокую.

— Чак... — сколько времени прошло, прежде чем он наконец закрыл глаза и попытался улыбнуться. — Я... я видел правнука правнука правнука твоего внука...

По правилам, тело добычи и отчёт должен был лично доставить в Храм охотник, добравшийся до Дифу. Но Джон... Ну, Карлос, на следующий день после возвращения простудился, слёг с жаром и теперь вяло лежал на постели, уткнувшись в «Краткую историю до Барьера», хрипло дышал и почти не разговаривал.

Гаэр, как наставник Эвана, вынужден был сам везти в Храм и тушу шакала бездны, и своего глупого ученика, чтобы отчитаться. Перед уходом он боялся, что Карлосу будет скучно, поэтому он включил телевизор в гостевой комнате и научил его переключать каналы.

Очевидно, телевизор оказался куда интереснее «Краткой истории» и уже через пять минут книга с полным равнодушием была засунута под кровать, а бывший Жрец, укутанный в одеяло, со всей серьёзностью уселся у экрана смотреть бессмысленный сериал о светских дамах, меряющихся жизнью, шубами и мужьями.

... Он был так поглощен своим занятием, что даже не услышал, как Гаэр с Эваном попрощались или велели ему принять лекарство.

Гаэр, честно говоря, беспокоился о том, как бы связаться с архиепископом Альдо, когда придут в Храм. Но, к его удивлению, едва они ступили за ворота, смрад гниющего тела демонического Дифу проник сквозь некий таинственный магический контур прямо в самый центр Храма...

Неуловимый и загадочный архиепископ Альдо на самом деле жил... в собственной гробнице. Каждый день мистер Гуд приказывал приносить туда изысканную еду и достаточно воды - к тому самому подземному выходу, откуда они четверо когда-то выбрались. Через некоторое время поднос исчез, а потом вернулся с пустой тарелкой, но с полным кувшином. Вместо

объяснений была только записка от самого Альдо: «Воды внутри достаточно, не утруждайтесь».

Мистер Гуд даже специально сверил эту записку с почерком архиепископа Альдо из редчайших архивных манускриптов. Совпадение было полным и последние его сомнения рассеялись.

До сих пор никто не может с уверенностью сказать, сколько тайн хранит в себе Храм. Даже мистер Гуд не мог. Она казалась живой, словно сама стала глазами, ушами и телом Альдо. Он знал всё, что происходило в Храме, просто ему больше не было интересно.

Светловолосый мужчина, сжав в руках распустившуюся розу, весь день сидел напротив Ядра Барьера, глядя в пустоту, будто это было его единственное занятие. Кроме дыхания, он ничем не отличался от мраморной статуи в саду.

Было больно просыпаться после тысячелетнего сна, но как создатель барьера, это была его неизбежная ответственность.

Рядом с Ядром на мгновение вспыхнула фиолетовая вспышка и активировался один из магических кругов. Лишь тогда его светло-серые глаза слегка дрогнули, словно в них вернулась жизнь.

— Я понял, — тихо сказал Альдо.

Магический круг замерцал словно реагируя на голос, вспыхнул и тут же потух. Альдо опустил взгляд на розу в своей руке - ту самую, что не увяла за тысячу лет. На лепестках вдруг проступили тончайшие, невероятно сложные линии заклинания.

На застывшем, как у мертвеца лице светловолосого мужчины, наконец промелькнула тень боли:

— Ты... правда... больше никогда не вернёшься?

Тем временем Гаэр, таща за собой Эвана и труп демонического шакала бездны, добрался до кабинета архиепископа. Но мистер Гуд, этот старый лис, куда-то подевался не оставив ни следа, ни тени.

Гаэр тяжело вздохнул и сказал Эвану:

— Ну и ладно. Пошли искать Луи.

Не успел он договорить, как Эван запаниковал и запутался в собственных ногах.

Гаэр потер лоб и рассмеялся:

— Разве ты не из храбрых? Стажировку ещё не окончил, а уже полез выслеживать дифу класса демонических. Осмелюсь сказать, что за тысячу лет не было таких безбашенных стажёров, и ты... боишься Луи?

Эван:

— Я... я... я... я... я...

Гаэр с интересом спросил:

— Луи страшнее, чем Шакал Бездны?

— Я... я-я... —

И тут Эван резко замолчал, застыл, уставившись прямо за спину Гаэра.

— Боже... С-статуя!

Гаэр тут же обернулся, стирая с лица шутливое выражение, и почтительно склонился:

— Ваше Преосвященство.

Он повернул голову и заметив, что Эван всё ещё стоит как истукан, немедленно метнул в него грозный взгляд:

— Эван, не груби. Перед тобой — Его Преосвященство архиепископ Лео Альдо.

К несчастью, Эван и впрямь был похож на крышку гроба - застывший и безмолвный, он уставился на Альдо, даже не моргая.

К счастью, Альдо не придавал этому значения. Его взгляд лишь скользнул по парнишке и тут же остановился на туше Шакала Бездны:

— Это ты убил Шакала?

— О, нет. — Хотя Гаэра и удивило внезапное появление архиепископа у офиса архиепископа, он тут же сориентировался, — Не я. Это сделал мистер Эван Голладо и..

<http://bllate.org/book/14761/1317203>